

САМООПРЕДЕЛЕНИЕ НАСТАВНИКА: МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ РАЗМЫШЛЕНИЯ

Е. АСОНОВА

Самоопределение наставника: материалы для размышления

Самоидентификация, поиск собственной индивидуальности, интеграция в общество — сложные задачи, стоящие перед каждым из нас. Особенно остро проблемы самопознания и самоопределения воспринимаются теми, кто впервые сталкивается с необходимостью ответить на вопросы, связанные с выбором жизненного пути, — детьми и подростками. Актуальность подготовки подрастающего поколения к решению задач социализации и самоопределения уже ни у кого не вызывает сомнения. В современных условиях жизни общества информационное и методическое оснащение такой помощи нуждается в поиске таких условий и факторов, которые определили бы успешное самоопределение и социальную интеграцию мальчиков и девочек, юношей и девушек. Но не менее важной представляется мне необходимость поддержать взрослых: чтобы помогать ребёнку или подростку, направлять его, тем более учить или воспитывать, педагогу, родителю приходится ежедневно и ежеминутно «проходить» свою дорогу самоопределения и социализации в роли наставника.

Данная статья предлагает вниманию читателей своеобразный материал, который очень напоминает методические разработки уроков литературы, так как напрямую связан с анализом художественных произведений, традиционно составляющих круг детского чтения. Но это не сценарии возможных занятий, это скорее размышления о том, что взрослый (педагог, родитель) может «увидеть», «прочитать» в детской книжке. Такая психолого-социальная практика чтения детской литературы обусловлена ещё тем, что книга, сказочный сюжет или образ в ней становятся при таком прочтении основой для выработки единого «детско-взрослого» языка и взгляда на те или иные вопросы социального становления личности, её самопознания и самореализации.

Здравствуйте, разрешите представиться! Или о детских книжках, чтении и самопознании

Давайте представим себе ситуацию знакомства: вам нужно представиться. Что именно вы расскажете о себе? Нет ничего проще, скажете вы, нужно просто назвать своё имя. И вот тут начинается самое интересное. Имя человека — это особый способ коммуникации: кто-то представится только лишь именем, да ещё и неполным (Шурик, например), а кому-то очень важно назвать себя по имени-отчеству (Акакий Акакиевич, помните?). Есть люди, представляющиеся фамилией. А иногда в качестве представления мы указываем должность, профессию или род деятельности. Почему дети часто, называя себя, говорят о том, что он или она ученик или ученица какого-то класса «а» или «б». Ведь это именно та ин-

43

Технологии
и инструментарий
[53 — 90]

формация, которая позволяет судить о том, в каком социуме (ближайшем окружении) живёт человек, какова его социальная система координат. А вот пример совершенно иного знакомства:

Пеппи шла по улице. Она шла, ступая одной ногой по тротуару, а другой — по мостовой. Томми и Анника смотрели ей вслед до тех пор, пока она не скрылась из виду. Через некоторое время она вернулась назад. Теперь она шла задом наперёд. Для того чтобы не поворачиваться, когда придётся идти обратно домой. Дойдя до калитки Томми и Анники, Пеппи остановилась. Дети молча смотрели друг на друга. Наконец Томми спросил:

— Почему ты идёшь задом наперёд?

— Почему я иду задом наперёд? А разве мы живём не в свободной стране? Разве здесь нельзя ходить как пожелаешь? А вообще-то, если хочешь знать, в Египте все так ходят и это никому не кажется странным.

— Откуда ты это знаешь? — спросил Томми. — Ты ведь не была в Египте.

— Я не была в Египте! Можешь зарубить себе на носу, что я там была. Я была везде, на всём земном шаре, и навидалась вещей куда более удивительных, чем люди, которые ходят задом наперёд. Интересно, что бы ты сказал, если б я ходила на руках? Так, как ходят люди в Дальней Индии?

— Ты всё врешь, — сказал Томми.

Пеппи немножко подумала.

— Да, ты прав. Я вру, — печально сказала она.

— Врать — нехорошо, — заявила Анника, осмелившаяся наконец-то открыть рот.

— Ага, врать нехорошо, — ещё печальнее сказала Пеппи. — Но я иногда забываю об этом, понятно? Да и как вообще можно требовать, чтобы девочка, у которой мама — ангел, а папа — негритянский король и которая сама всю свою жизнь плавала по морям, всегда говорила бы правду? А кроме того, — добавила Пеппи, и всё её веснушчатое личико засияло, — скажу вам, что в Конго не найдётся ни единого человека, который говорил бы правду. Они врут там целыми днями. Начинают с семи утра и врут, пока солнце не зайдёт. Так что если меня угораздит когда-нибудь соврать, вам надо попытаться простить меня и вспомнить, что всё это оттого, что я слишком долго жила в Конго. Мы ведь всё-таки можем подружиться? Правда?

Обратите внимание на то, как представилась одна из самых известных литературных девочек: самое важное для неё не её имя, а то, что живёт она в свободной стране... и частенько говорит неправду. Но есть и ещё одна, пожалуй, самая важная информация — она дочка своих родителей: «мама — ангел, а папа — негритянский король». Для Пеппи, по замыслу её создательницы, важно не то, как её зовут, а те ценности, которые определяют её жизнь в обществе: свобода и уважение и любовь к родителям. А ещё в своих фантазиях Пеппи борется за расширение привычных границ мира, включая в «свой социум» нравы и обычаи стран, в которых она побывала. Самая сильная девочка в мире при всей своей исключительности — образ, который очень точно передаёт важнейшие особенности психологии ребёнка: стремление расширить своё пространство¹, поверить в свою исключительность и обрести свободу. Причём личная исключительность для детей младшего школьного возраста частенько связана не только

¹ Этому феномену посвящена монография М. Осориной «Секретный мир детей в пространстве мира взрослых» (СПб: Питер, 2010).

с индивидуальными качествами, но и с какими-то особыми характеристиками близких: родителей, братьев и сестёр. Обратите внимание: эксцентричное имя героини никак не обыгрывается при её представлении. Её позиция — это уже представление, а имя — имя в данном случае только кажется необычным: оно отражает лишь внешние признаки «длинный чулок». А ещё чем-то напоминает имена индейцев — Большой Змей или Зоркий Глаз.

Жизненная позиция человека часто определяется его отношением к общественному порядку — к тем правилам и нормам, которые стали привычны для людей. В какой-то момент своей жизни каждый из нас выбирает, что для него важнее — быть «как все» или, наоборот, чем-то выделиться, обозначить свою особенность. Пеппи Длинныйчулок, девочка-клоун, для которой нет правил, «самая сильная девочка в мире», придумывает свой мир.

Что нам кажется странным в этой девочке? Чем Пеппи не похожа на других детей, на других девочек? Ответы на этот вопрос скорее всего строятся на таких понятиях, как «традиционное представление», «стереотип», «социальная роль». Пеппи ведёт себя не так, как ожидают окружающие. Она слишком самостоятельна для ребёнка, она слишком сильная для девочки. Она не такая, как все, и, как мы уже поняли из её самопредставления, превыше всего эта девочка ценит свободу и трактует её как свободу от стереотипных представлений. Окружающие люди относятся к её поведению, поступкам с недоумением, раздражением, иногда с удивлением. А как относится она к окружающему её миру? Её странное поведение — это вызов обществу? Вовсе нет: свобода для Пеппи — это не борьба со стереотипными представлениями, а возможность быть самой собой. Пусть её мир полон фантазий: эта девочка точно знает, что она хочет, что она чувствует, а потому легко находит самые разные способы самовыражения (например, в первой же главе она стремится «везде навести порядок»).

Для творчества Астрид Линдгрэн тема самодостаточности и самостоятельности вообще одна из самых важных в произведениях для детей. Её сказочные повести — своеобразный манифест: самое главное для ребёнка — это как можно больше узнать себе, найти средства и способы сделать свою жизнь свободной, насыщенной и интересной. Судите сами. Фрагмент из повести А. Линдгрэн «Ронья — дочь разбойника»:

И вот Ронья была предоставлена свобода бродить по всей округе, где ей вздумается. Но прежде Маттис преподал ей несколько уроков.

— Остерегайся диких виттр и серых карликов, да ещё разбойников Борки, — предупредил он дочку.

— А как я узнаю, кто такие дикие виттры и серые карлики, а кто — разбойники Борки? — спросила Ронья.

— Сама увидишь, — ответил Маттис.

— Ну, тогда ладно, — согласилась Ронья.

— Да не заблудись в лесу, — предупредил её Маттис.

— А что мне делать, если я заблужусь? — спросила Ронья.

— Найти нужную тропинку, — ответил Маттис.

— Ну, тогда ладно, — согласилась Ронья.

И ещё остерегайся плюхнуться в речку, — предупредил её Маттис.

— А что мне делать, если я плюхнусь в речку?

— Плыть! — ответил Маттис.

— Ну, тогда ладно, — согласилась Ронья.
— И ещё остерегайся рухнуть в Адский провал, — предупредил её Маттис. Он имел в виду пропасть, которая проходила в самой середине замка Маттиса, разделяя его на две части.
— А что мне делать, если я рухну в Адский провал? — спросила Ронья.
— Тогда тебе ничего больше делать не придётся, — ответил Маттис, заревев так, словно вся боль мира переполнила внезапно его грудь.
— Ну, ладно, — согласилась Ронья, когда Маттис наревёлся вдосталь. — Раз так, я не рухну в Адский провал. Нет ли ещё чего-нибудь, чего надо опасаться?
— Ясное дело, есть, сколько хочешь, — сказал Маттис. — Но постепенно ты сама во всём разберёшься. А теперь иди!

(...)

Тут Маттис вздохнул и крепко обхватил её:

— Но ты помнишь, что я сказал? Чего ты должна остерегаться ещё?

Да, ясное дело, она помнила об этом. И все последующие дни Ронья ничего другого не делала, как только остерегалась того, что опасно, и училась не бояться. Маттис сказал: она должна остерегаться плюхнуться в речку. Поэтому она с наслаждением прыгала на скользких камнях у самой кромки берега реки, где вода шумела и бурлила сильнее всего. Не могла же она уйти в самую дремучую чащу леса и остерегаться там плюхнуться в речку! Если уж нужно, чтобы из всего вышла какая ни на есть польза, ей необходимо находиться поблизости от речных порогов и водопадов, а не в каком-нибудь другом месте.

Но чтобы подобраться к этим порогам и водопадам, нужно было вскарабкаться на гору Маттиса, которая крутым обрывом падала вниз, к реке. Таким образом Ронья также могла упражняться в том, чтобы не бояться. В первый раз было трудно, тогда она боялась так, что ей пришлось зажмуриться. Но мало-помалу она становилась всё более и более дерзкой. И вскоре знала, где какая расселина, куда можно поставить ногу и где надо уцепиться пальцами ног за уступы, чтобы крепче держаться и не свалиться вниз, в водопад.

«Повезло же мне, — думала она, — что удалось найти такое место, где можно и остерегаться, чтобы не свалиться в речку, и ещё научиться не бояться».

Так проходили её дни. Ронья только и делала, что остерегалась и упражнялась гораздо больше, чем Маттис и Лувис знали об этом. В конце концов она стала гибкой и сильной, словно маленькая зверюшка, которая ничего на свете не боялась. Ни серых карликов, ни диких виттр, ни заблудиться в лесу, ни упасть в реку. Она ещё не начала остерегаться того, чтобы не рухнуть в Адский провал, но думала, что скоро примется и за это.

Почему для детской литературы столь привлекательны образы излишне самостоятельных детей? Вспомните Дядю Фёдора из повестей Э. Успенского, по которым сняты мультипликационные фильмы, или Тома Сойера или его друга Гекльберри Финна — героев повести М. Твена. К самостоятельности и немножко сумасбродству призывают детей сказочные герои Карлсон, который живёт на крыше, и домовёнок Кузька из одноимённой повести Т. Александровой. Обаятельные Алисы Л. Кэрролла и К. Булычёва тоже находятся в постоянном поиске, причём их любопытство оборачивается невероятными приключениями. Против всяких правил в Солнечном городе живёт Незнайка, чьё незнание и неуменье мы

чаще трактуем не как невежество, а скорее как особое восприятие мира. И совершенно другой персонаж — Мэри Попинс — леди совершенство, которая так же окружающими воспринимается как непривычное, непонятое. Все они привлекательны именно своей непохожестью на других.

Особенными этих литературных героев делает их характер, который определяет страсть к приключениям, потребность выделиться, что-то доказать, проявить себя. Так рождается их особое отношение к правилам и условностям.

Как часто слышим мы жалобы педагогов и родителей на то, что дети и подростки лишены этих качеств: инфантильны, недостаточно самостоятельны. И одновременно недоумение: почему ребёнок иногда при общей несамостоятельности демонстрирует решительный отказ подчиняться «общему правилу» или протест против требований или объяснений, просьб взрослых. Модель свободного и «несвободного» поведения, стремление к самовыражению и самореализации формируются постепенно. Можно ли говорить, что детские книги влияют на это? Ребёнок читает о шалостях Пеппи или Карлсона и учится у них? Отнюдь, нет. Восприятие литературы скорее характеризуется для нас прямо противоположным: ребёнок (а потом и взрослый) воспринимает поведение литературного героя именно как факт поведения «литературного», «книжного». В качестве аналогии можно привести различия между разговорным и книжным языком. Для того чтобы чтение детской литературы приносило свои плоды социализации, оно должно быть включено в этот процесс, т.е. выполнять свою коммуникативную роль. Поясню, что это значит. Кроме собственно эстетической функции (чтение как удовольствие от творчества, связанного с работой воображения, следующего вслед за текстом литературного произведения), есть у детской литературы ещё одна очень важная задача — следуя традиции, её можно было обозначить как образовательную и воспитательную. Раскрывая её значение подробнее, в ключе современного подхода к проблеме взаимоотношения поколений, эту задачу можно определить так: помогать взрослым и детям договариваться об очень важных в их жизни вопросах, вырабатывать общий язык для обсуждения сложных психологических, социальных проблем. А значит, и Пеппи Длинныйчулок, и дочь разбойника Матисса Ронья, и Дядя Фёдор — все они могут помочь родителю, педагогу — взрослому рассказать о таких сложных понятиях, как:

- ◆ самостоятельность и самодостаточность, *самоуважение*;
- ◆ целеустремлённость;
- ◆ индивидуальность;
- ◆ чёткое понимание собственного положения в обществе;
- ◆ вызов обществу или даже протест.

Появляется повод — прочитанная или только начатая книга — для того чтобы определить своё отношение к яркому, нестандартному поведению, рассказать, почему оно считается одновременно и социально одобряемым (ведь мы очень любим Пеппи), и «трудным», неудобным. Как объяснить одновременное желание взрослых видеть своих подрастающих детей самостоятельными и послушными?

Современные авторы, пишущие для детей, находят для этой темы всё новые и новые сюжеты. Хотелось бы выделить небольшую повесть Станислава Востокова «Жаклин Ивановна», где в роли героини, наделённой особым нестандартным поведением, выступает не ребёнок, а учительница музыки. А также

удивительную Тоню Глимердал — девочку из повести молодой и очень талантливой норвежской писательницы Марии Парр. Самое главное для Тони — это самоуважение и скорость. А ещё искренность. Это очень трогательная и светлая история о том, как иногда трудно договориться родителям и их детям. Трудно, но не невозможно. В повести переплелись волшебным образом любовь к музыке и любовь к близким, необходимость понять собственные чувства, чтобы разобратся в чужих.

В круге детского и подросткового чтения особое место всегда занимало творчество Джека Лондона — произведения о сильных и смелых людях. Повести и рассказы о том, как становятся настоящими мужчинами. Сказание о Кише — это история о том, как мальчик благодаря умению мыслить нестандартно, готовности искать свою дорогу в этой жизни (а для этого нужна смелость, мужество!) находит и уважение, и признание среди старших соплеменников. Достойным продолжением такого чтения станет для российских читателей появившаяся недавно книга Йорна Риель «Мальчик, который хотел стать человеком» — история про мальчика-викинга Лейва, который в результате кораблекрушения попадает к гренландским эскимосам — инуитам. Благодаря Нуруа и Апулуку, своим названным брату и сестре, он учится говорить на местном языке, делать хижину в толще снега, брать от природы только необходимое и жить в большой семье, в которой всё общее. По-эскимоски «инуит» означает «человек». Сможет ли маленький викинг, взрослея, отказаться от мести, богатства и власти, которые так много значат для его родного народа, чтобы стать настоящим «человеком»?

Красота — это страшная сила?

Взросление и уж тем более выход в свет (в социум) для современного подростка неразрывно связано с тем, каким его увидят, как к нему отнесутся, иными словами, нет такого ребёнка, который бы не заботился о своей внешности, точнее о том, как её воспримут сверстники. Намного реже заботится подрастающее поколение о том, как внешний вид будет воспринят старшим. Мы часто делаем замечания нашим детям, но редко сами задумываемся и ещё реже говорим с детьми о том, что внешность — это тоже способ коммуникации, самопредставления. Любую внешность можно рассматривать как определённое послание окружающим. И предельная строгость в costume, и консерватизм, и эпатажная внешность, и равнодушное отношение к внешнему облику — любая позиция содержит в себе сообщение, которое может быть интерпретировано как желание или нежелание привлекать к себе внимание, игру с определёнными эстетическими воззрениями, а значит, обязательно соотносится с представлением о красоте.

Есть у Николая Заболоцкого стихотворение «Некрасивая девочка». Начинается оно строчками:

*Среди других играющих детей
Она напоминает лягушонка.
Заправлена в трусы худая рубашонка,
Колечки рыжеватые кудрей
Рассыпаны, рот длинен, зубки кривы,
Черты лица остры и некрасивы.*

Поэту важно подчеркнуть, что такая вот непривлекательная внешность девочки дарит ей возможность не только радоваться «чужой радостью» — она с восторгом «бегает по следу» за двумя мальчишками, который гоняют по двору на новеньких велосипедах, совершенно забыв о подруге:

*И девочка ликует и смеётся,
Охваченная счастьем бытия.
Ни тени зависти, ни умысла худого
Ещё не знает это существо.*

Лирический герой с тревогой думает о её будущем: победит ли внутренняя красота, её доброе сердце предрассудки и злобу этого мира, восклицая в конце:

*А если это так, то что есть красота
И почему её обожествляют люди?
Сосуд она, в котором пустота,
Или огонь, мерцающий в сосуде?*

Но поэт сталкивает невозможное: представление о детстве и о красоте — ребёнок не может, не должен быть некрасивым. Он любим своими родителями, для которых он самое прекрасное существо на свете. А если нет? Что может заставить мать «не видеть» своего ребёнка красивым? К сожалению, в человеческом мире много причин тому: горе, нищета, наступающее вслед за ними «эмоциональное выгорание». Чувство прекрасного, ощущение гармонии, умение заметить за внешностью истинную красоту — красоту души, разума, порядочности, культуры — удивительная способность человека, делающая его человеком.

В школьном воспитании, а особенно в литературном образовании, сложилась традиция отдавать предпочтение красоте духовной, предпочитая её «ложной» (помните, сочинение по «Войне и миру» — Красота истинная и ложная). К сожалению, это приводит к тому, что дети и подростки не получают должного эстетического воспитания. Умение видеть прекрасное, ощущение гармонии, знание о многообразии эстетических воззрений, способность ценить и уважать красоту и гармонию в нашей жизни — очень важные, зачастую основополагающие вещи для общества. Нет пока в нашем обществе культуры уважительного отношения к проявлениям юношеского максимализма или подростковой моды. Думаю, что уместно в данном случае вспомнить сказку Вильгельма Гауфа «Карлик Нос». За «уродливыми» для нашего восприятия проявлениями переходного возраста важно суметь «увидеть» собственного ребёнка: повзрослевшего, потерявшего свою детскую миловидность, но и приобретшего самостоятельность, знания, жизненный опыт. Вспомните родителей героя этой сказки мальчика Якоба. Обнаружив на пороге своего дома горбатого уродца с длинным носом, они отказались поверить в то, что перед ними их сын — красавчик Якоб. И самым обидным для мальчика было не то, что он стал уродлив, а то, что мать и отец его прогнали, как собаку.

Восприятие красоты или уродства очень относительно: оно зависит от множества самых разных факторов. Особенно ярко это чувствуешь, работая с детьми. Часто отношение педагога к ребёнку зависит именно от внешности воспитанника: так, ухоженный, симпатичный мальчик или девочка настолько располагают к себе, что даже за серьёзный проступок их скорее не отругают, а только немножко пожурят. А вот неряха обязательно вызовет дополнительное раздражение. Но ведь это неверно в корне! Неопрятный ребёнок — это, скорее всего,

² До этого времени Элиза воспитывалась в крестьянской семье, куда её отправила мачеха.

[13 – 17]
Концепции
и системы

50

ребёнок, которому недостаёт домашнего внимания и заботы, а может быть, у него есть трудности с самообслуживанием, причины которых кроются в особенностях развития, его нарушениях. Всё это должно быть сигналом для педагога о том, что здесь от него требуются повышенное внимание и терпение, мастерство. А может быть и совсем наоборот: чрезмерное внимание к внешней красоте вызывает негативное отношение, если за красивой одеждой и ухоженной внешностью спрятались пренебрежительное отношение к знаниям.

В мировой культуре стали вечными сюжеты о противостоянии доброй и злой красоты, о красавице и чудовище. Это хорошо знакомые нам сказки «Аленький цветочек», «Белоснежка», «Сказка о спящей царевне и семи богатырях», «Щелкунчик» и многие-многие другие. Не потерял интерес к сюжетам о красоте и в наше время. Мюзикл «Нотр-Дам де Пари», мультипликационный фильм о Шреке.

Тема красоты, восприятия прекрасного — одна из ключевых в творчестве Г.-Х. Андерсена. Именно ощущением прекрасного, умением видеть и ценить его измеряет сказочник благополучие этого мира: «Гадкий утенок», «Снежная королева», «Дюймовочка», «Свинопас», «Соловей». Вот небольшой фрагмент из сказки «Дикие лебеди»:

Но вот Элизе минуло пятнадцать лет, и её отправили домой². Увидав, какая она хорошенькая, королева разгневалась и возненавидела падчерицу. Она с удовольствием превратила бы её в дикого лебедя, да нельзя было сделать этого сейчас же, потому что король хотел видеть свою дочь.

И вот рано утром королева пошла в мраморную, всю убранную чудными коврами и мягкими подушками купальню, взяла трёх жаб, поцеловала каждую и сказала первой:

— Сядь Элизе на голову, когда она войдёт в купальню; пусть она станет такую же тупой и ленивой, как ты! А ты сядь ей на лоб! — сказала она другой. — Пусть Элиза будет такой же безобразной, как ты, и отец не узнаёт её! Ты же ляг ей на сердце! — шепнула королева третьей жабе. — Пусть она станет злонравной и мучится от этого!

Затем она спустила жаб в прозрачную воду, и вода сейчас же вся позеленела. Позвав Элизу, королева раздела её и велела ей войти в воду. Элиза послушалась, и одна жаба села ей на темя, другая на лоб, а третья на грудь; но Элиза даже не заметила этого, и, как только вышла из воды, по воде поплыли три красных мака. Если бы жабы не были отравлены поцелуем ведьмы, они превратились бы, полежав у Элизы на голове и на сердце, в красные розы; девушка была так набожна и невинна, что колдовство никак не могло подействовать на неё.

И Элиза, и её мачеха красивы, но для одной красота — проявление внутреннего света, доброты, «набожности и невинности», а для другой — источник тревог, беспокойства, неуверенности в себе, зависти. И этот мотив повторяется во многих сказках. Что заставляет красивую женщину бояться красивую девушку? Это предмет для разговора с подростками, особенно с девушками: наша внешность воспринимается субъективно, воспринимается по-разному женщинами и мужчинами. Сказка хотя и закрепилась в круге чтения детей, никогда не была детским жанром: она, как и притча, призвана в аллегорической форме говорить с читателем об очень серьёзных и важных предметах. А эффект от переосмысления знакомых с детства сюжетов может дать дополнительный импульс для раз-

говора ещё и о том, как меняется с годами понимание привычных вещей (собственно, процесс успешной социализации и заключается в том, чтобы у человека сформировалась готовность к постоянным изменениям).

Сюжет о взаимоотношениях прекрасной девушки и уродливого, страшного персонажа воплощён во многих и многих произведениях: уродство — это злые чары, они разрушаются от соприкосновения с невинностью, красотой и любовью. Логика сказки близка бытовой мудрости: при хорошей жене и муж — человек. При всей грубости этого высказывания оно очень точно транслирует идею о том, что счастье женщины в союзе с мужчиной зависит от неё самой — с доброю женою и муж честен. От плохой жены состаришься, от хорошей помолодеешь. Неожиданный разворот этому сюжету придали создатели мультфильмов о Шреке, заменив превращение чудовища в красавца на превращение прекрасной принцессы в ога. Источником вдохновения для сценаристов стала сказочная повесть Уильяма Стрейга «Шрек», в которой предлагает читателю вывернутую наизнанку историю о прекрасном принце, отправляющемся на поиски прекрасной принцессы. Вот как начинается эта сказка:

«Шрек никогда не был красавцем. Мамаша у него была просто пугало, папаша — настоящее страшилище, но сам он был безобразнее во сто крат, чем оба его родителя, вместе взятые»

Конечно, и принцессу Шрек находит себе по статье — «у него даже губа отвисла как коромысло: он увидел самую безобразную принцессу на свете». И Шрек влюбился в неё с первого взгляда: «Я влюблён в твою красу, в бородавку на носу, в комья грязи на щеках...» Разрушая представление о том, что можно считать «красивым», Уильям Стрейг вносит в детскую литературу не новую тему, а новое понимание «безобразного». «Найти своего принца» — это не возможность превратить чудовище в прекрасного юношу, а готовность стать такой же. Именно так и поступает Фиона, принимая и самого Шрека, и образ жизни, и обличье ога. Значит, дело не в красоте или красота может пониматься по-разному?

Такое чтение и обсуждение — особое испытание для взрослых. Но оно дорого стоит: готовность спокойно принять эстетику современности говорит о том, что и мы, взрослые, обладаем всеми необходимыми качествами для успешной социализации в новых условиях общества. А принимая новое, мы вырабатываем нужный язык для его обсуждения с подростками и молодёжью, т.е. можем по-прежнему быть для них не только наставниками, но и близкими друзьями.

Вместо вывода

Материалы, представленные в данной публикации, не могут рассматриваться как учебные: читая вместе книги, беседуя, обсуждая, мы не учим и не изучаем, как «правильно» поступить или «правильно» понять то или иное произведение, а стараемся помочь друг другу понять и принять себя. Поэтому основными качествами ведущего беседу являются такт и уважение, способность и готовность спокойно и доброжелательно общаться с подростками, настраивая их на столь же миролюбивое отношение к самим себе, к окружающим. Поддержание доброжелательного, ровного тона во время обсуждений напрямую зависит от понимания педагогом причин особого, «трудного» поведения детей и подростков, умения

³ Указание издательства и года издания даны только в том случае, если книга появилась недавно и присутствует на книжном рынке только в одном издании.

«объяснять» эти причины. И это, пожалуй, одна из самых важных задач, стоящих перед педагогом, — создать условия для знакомства с собственными эмоциями, причинами и следствиями тех или иных поступков и состояний.

Чтение детской и подростковой литературы позволяет педагогу не только лучше узнать себя, научиться уважать других, но и сформировать целый ряд представлений и навыков, которые необходимы в общении, налаживании межличностных контактов, гармонизации отношений с детьми и подростками. А привлечение внимания ребят к интересным, современным книгам и наоборот, ставшим классикой, — особая задача для взрослых. Очень сложно понять себя и окружающих, не задумываясь, не останавливаясь и не оглядываясь вокруг. Правильно организованная беседа о прочитанном даёт подростку возможность сначала *услышать* о своих переживаниях (понять их легитимность), а потом *обсудить* то, что его волнует с педагогом или психологом. Кроме того, доступность, простота, краткость произведений, адресованных детям, дают педагогу, родителю возможность читать их с самыми разными детьми, имеющими сложности в обучении, ограниченными в своих возможностях.

Книги, о которых шла речь в статье:

1. Аксаков С. Аленький цветочек³.
2. Александрова Т. Домовёнок Кузька.
3. Андерсен Г.Х. Снежная королева. Дикие лебеди. Гадкий утёнок.
4. Бомон Л. де, Марльер М. Красавица и Чудовище.
5. Востоков С. Жаклин Ивановна // Чёрный Алекс — няня специального назначения: повести и стихи / Станислав Востоков. М.: Астрель: АСТ, 2009.
6. Гауф В. Карлик Нос.
7. Гримм В. и Я. Белоснежка.
8. Заболоцкий Н. Некрасивая девочка.
9. Линдгрен А. Малыш и Карсон, который живёт на крыше. Пеппи Длинныйчулок. Ронья — дочь разбойника.
10. Лондон Д. Сказание о Кише.
11. Носов Н. Незнайка в Солнечном городе.
12. Парр М. Тоня Глиммердал. М.: Самокат, 2011.
13. Риель Йорн. Мальчик, который хотел стать человеком. М.: Самокат, 2011.
14. Твен М. Приключения Тома Сойера; Приключения Гекльберри Финна.
15. Трэверс П. Мэри Поппинс.
16. Пушкин А.С. Сказка о мёртвой царевне и семи богатырях.
17. Гофман Э.Т.А. Щелкунчик и Мышиный король.
18. Стейг У. Шрек: сказочная повесть. СПб.: Амфора, 2010, а также мультипликационные фильмы о Шреке.

[13 - 17]
Концепции
и системы

52